

Александр Степанович Грин

На облачном берегу

Александр Грин
На облачном берегу

«Public Domain»

1924

Грин А. С.

На облачном берегу / А. С. Грин — «Public Domain», 1924

«Когда Август Мистрей и его жена Тави решили, наконец, зачеркнуть след прекрасной надежды, им не оставалось другого выбора, как поселиться на непродолжительное время у Ионсона, своего дальнего родственника. Год назад, когда дела Ионсона пошли в гору, этот человек, возбужденный успехом, много, фальшиво и горячо болтал, поэтому его тогдашнее приглашение приехать, когда того захочется Мистреям, в только что приобретенное имение Мистрей рассматривали до сего времени как истинный огонь сердца и просто потянулись к нему, вздохнув о чудесном уголке, владеть которым были бы не в состоянии, даже заплатив деньги вторично...»

Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	10
V	11
VI	12
VII	14
VIII	15

Александр Степанович Грин

На облачном берегу

I

Когда Август Мистрей и его жена Тави решили, наконец, зачеркнуть след прекрасной надежды, им не оставалось другого выбора, как поселиться на непродолжительное время у Ионсона, своего дальнего родственника. Год назад, когда дела Ионсона пошли в гору, этот человек, возбужденный успехом, много, фальшиво и горячо болтал, поэтому его тогдашнее приглашение приехать, когда того захочется Мистреям, в только что приобретенное имение Мистрей рассматривали до сего времени как истинный огонь сердца и просто потянулись к нему, вздохнув о чудесном уголке, владеть которым были бы не в состоянии, даже заплатив деньги вторично.

Это было семь дней назад. Мистрей побледнел и прикрыл глаза, а Тави, уцепившись маленькими руками за решетку ворот, приподнялась на цыпочки, чтобы хоть еще раз оглянуть цветущий солнечный завив садовой аллеи. Хозяйка, кокетливая молодая женщина со спокойным лицом, провожая их, тронула легким движением руки ветку лавра, как бы погладив ее, и это движение, полное чувства собственности, отразилось в душе Тави беззлобной грустью. Ее с мужем ограбили так умно, что было бы бесцельно искать мошенника; бесцельно было бы растревать боль поисками концов. Кроме того, как Тави, так и ее муж питали глубочайшее отвращение ко всякой грязной борьбе.

– Зачем вы доверились этому человеку? – спросила хозяйка. – Почему вы ранее не посетили нас без него?

– Он сказал... – захлебываясь, начала Тави и посмотрела на мужа. – А? Разве не так?

– Ну, говори, – кротко согласился Мистрей.

Тави, помахивая указательным пальцем, начала робко и строго:

– Мы поместили объявление... знаете? В той газете, где попугай. Мы продали кое-что; собственно говоря, продали все, но наша мечта зажечь наконец в живописном солнечном уголке должна же была исполниться? Вот пришел тот самый О'Тэйль...

– Но мы уже говорили это, – мягко перебил Мистрей. – О! Злое дело. Ну, короче сказать, нас обманули, и никто не виноват, кроме нас. Мы отдали почти все деньги, так как нас уверили, что на владение уже есть много охотников, что надо спешить.

– Но ведь вы даже не посмотрели, что покупаете?

– Увы! – сказал Мистрей. – По словам этого мошенника, здесь чудесным образом оказывалось налицо все, что удовлетворяет вполне наши вкусы. И в этом смысле он не обманул нас.

– Он производил, – краснея, сказала Тави, – вполне, знаете ли, приличное впечатление. Мы были так рады.

– Это верно, – подтвердил Мистрей и устало кивнул жене. – Тави, пора уезжать.

– Обратитесь немедленно в суд, – сказала хозяйка, – может быть, еще не поздно разыскать преступника.

Говоря это, она сламывала одну за другой тяжелые пунцовые розы, пока не собрался в ее энергичной, смуглой руке букет, полный прихотливой листвы. Затем она передала цветы расстроенной молодой женщине.

– Возьмите, – нежно произнесла она. – мне хочется хоть этим утешить вас.

Тави, развеселясь на мгновение, взяла подарок и отошла, чувствуя себя совершенно пристыженной. Оба молчали. Перед тем как сесть в экипаж, она, виновато, но твердо посмотрев на

Мистрея, отбежала в сторону и пристроила свой букет в пышной траве так, чтобы он не упал. Затем, вздохнув, Тави промаршировала с Мистреем под руку несколько шагов нога в ногу.

– Я возвратила их земле и солнцу. Не стерпеть их в руке. Потому что они – не наши.

II

Муж и жена были не одни. С ними ехал к Ионсону слепой старик, Нэд Сван. Он ослеп лет тридцать назад, но продолжал по-своему, видением, видеть все, о чем ясно и просто говорили ему, так как навсегда сохранил внутреннее лицо явлений. Те, кто некоторое время заботился о нем, бросили его, как бросают газету. Сван просидел до вечера в отравленной тишиной комнате, затем вышел на лестницу, постучал в первую попавшуюся квартиру, и Тави, взволнованно посуется, сказала Местрею:

– Дай ухо. Нет, не драть. А я тебе скажу: он вполне, вполне порядочный человек и может умереть. Поселим его у нас.

Нэд Сван говорил о своем прошлом четырьмя словами: «Не будем вспоминать пустяков» – и, улыбаясь, смотрел закрытым, напряженным лицом в угол стены. Он был сутул, юношески стар, сед и приветлив.

Как стало смеркаться, наемный экипаж путешественников прибыл к воротам Ионсона. В этом месте огненная от заката стрела ущелья лежала на лиловой зелени крутых склонов, люющих девственные дебри свои с полнотой и размахом песни. Отсюда начинали бешеное восхождение знаменитые утесы Органной Горы, овеванные спиралью тропинок, заламывающих головокругительный взлет над поясом облаков.

Давно уже разговор Мистрея и Тави стал лишь тем, что видели они, выраженным с тихой страстью великой любви к чистой и прекрасной земле. «Смотри!» – говорила Тави; затем оба кивали. – «Смотри!» – говорил Мистрей.

– А там?!» – «Да, да!» – «А там! Смотри!» – Так они ехали и восклицали.

– О, если бы нам здесь жить! – сказал Мистрей. – Как тихо! Как все прозрачно!

Время от времени Нэд Сван спрашивал их, что видят они. Тогда, стараясь подражать книжному способу выражения, Мистрей кратко сообщал характер пейзажа, и, кивнув, слепой покрывал действительное, чего видеть не мог, плавными соответственными видениями, черты и краски которых были не более далеки от истины, чем король Лир – от короля вообще.

В этом же деле помогала ему и Тави. Она изъяснялась сбивчиво, например, так: «Ручей, как бы вам сказать, машет из-за ветвей платочком». Но в ясных колебаниях ее голоса, напоминающих приветливое подталкивание, Сван ловил больше для своего таинственного рисунка, чем в подробной передаче Мистрея.

Как солнце село, за поворотом горной дороги начался спуск, и минут через десять карета прогрохотала перед освещенными окнами Ионсонова дома.

III

– Две массы¹, – сказал негр. – И один небольшой дама. Там, на дворе. Я сказал: вы не спал.

Когда Ионсон встал из-за письменного стола, его опередила проворная, ширококостная женщина с маленьким узлом редких волос на макушке и холодно-терпким выражением пожилого лица, темный цвет которого чем-то отвечал характеру ее быстрого взгляда. За ней вслед вышла огромная фигура Ионсона.

Два негра с фонарями, подняв их, освещали группу.

– Да, конечно, я рад, – сказал Ионсон несколько не тем тоном, какой рассчитывал услышать Мистрей; затем пристально посмотрел на жену, в поджатых губах которой таилось неодобрение по адресу прибывших. Тем не менее она нашла нужным сказать:

– Да, да. Нас почти никто не посещает, кроме деловых людей. Это нам приятно, конечно.

Последнюю фразу Тави могла принять как на свой счет, так и на счет «деловых людей». Она ответила:

– Простите, пожалуйста, если приехали неудачно. А Мистрей все расскажет. Мы не одни. Вот Сван, вы видите? Мы не расстаемся. Вы не покинете нас, Нэд?

– Пока не закрылись глаза ваши, – отдельно и внятно произнес слепой. Он стоял, держась под руку Мистрея, и, опустив голову, казалось, слышал уже холод чужого угла, враждебного согревающему доверию.

– Марта, – сказал Ионсон жене, – надо распорядиться. Войдите, гости.

Все прошли тогда в огромный зал, развернутый электричеством. Здесь была симметрически расставлена жесткая тяжелая мебель; несколько дешевых картин в дорогих рамках тускло разнообразили массивность жилья, выстроенного из крупных камней в виде казармы. Эта казарменность прочно отражалась внутри короткими окнами и серой обивкой стен; двери закрывались плотно и с гулом, унылый оттенок которого невозможно поймать ухом чернил.

Тави привела Свана в угол, где он сел, слушая разговор. Она пыталась благодарить Ионсона за то, что полтора года назад доставил он им светлое удовольствие приглашением посетить свой дом. Но Ионсон ответил искренно непонимающим взглядом, и Тави умолкла. Затем говорил Мистрей. Он рассказал о мошенничестве, жертвой которого сделались они благодаря тонким уловкам, рассчитанным на их доверчивость; о своей мечте поселиться навсегда среди тихих деревьев, подальше от городских дел, и как купленная усадьба оказалась чужой.

На середине его рассказа пришла Марта, сев рядом с мужем в позе, какие принимаются на дешевых фотографиях, если снялась пара. На Марте было черное шелковое платье, в руках держала она колоссальный веер, не подвергая его однако опасности треснуть движениями мощных дланей.

Выслушав, Ионсон громко захохотал.

– Недурно обтяпано, – сказал он и толкнул локтем жену. – А, Марта?! Слышала ты такое?

– Чудеса, – ответила та, бесцеремонно рассматривая гостей. – Все продали?

– Увы, – сказал Мистрей, – и наше маленькое наследство и мебель. Иначе не составлялось необходимой суммы.

– Так какого же черта, – возразил Ионсон, поглаживая колено, – какого же, я говорю, черта не посмотрели вы свою кошку в мешке?!

– Кошку? – удивилась Тави.

– Ну да; я говорю об усадьбе. Вам надо было приехать на место и рассмотреть, что вам предлагают купить. Ведь вы свалили дурака. Кто виноват?

– Дурака, – машинально повторил Мистрей, – да, дурака. Но...

¹ Масса (испорч. англ. master) – хозяин, господин.

Он умолк. Тави открыла рот, но почувствовала, что, сказав, понята не будет. За них ответил Нэд Сван:

– Мои друзья, – тихо повел он из угла, – не будут в претензии, если я доскажу за них. Они хотели бы радоваться неожиданности, той, может быть, незначительной, но всегда приятной неожиданности, когда, ступая на свою землю, еще не знаешь ее. Они дорожат свежестью впечатления, особенно в таком серьезном деле, где первое впечатление навсегда окрашивает собой будущее. Вот почему они поверили спокойному болтуну.

Тави сконфуженно рассмеялась. Мистрей застегнул кнопку блузы, раскрывшуюся на ее плече, затем сказал:

– Пожалуй, так и было оно.

– Х-ха... – крикнул Ионсон, играя узлами челюстей, и посмотрел на жену.

Та, подняв веер, склонилась над его ухом, шепча:

– Ты видишь, что это идиоты. Но они не все продали...

Едва он успел движением головы спросить, в чем дело, как Марта обратилась к молодой женщине:

– Это настоящий жемчуг?

– Мой? – Тави коснулась жемчужной нитки, нежившей ее шею гладким прикосновением крупных, как бобы, зерен. – О! Он настоящий. Хвостик наследства, которого теперь нет.

– Хвостик не плох, – сказал Ионсон, вставая и приглядываясь с высоты своих семи футов. Он прищурился. – Да. Но ведь вокруг вашей шеи висит по крайней мере пять недурных имений.

Тави вздохнула весело и задорно.

– Надо вам объяснить, я вижу, – сказала она, лукаво подмигнув мужу. – Эта ниточка нас сосватала. Когда Мистрей пришел сказать... самые хорошие вещи... и... тогда он увидел эти жемчужины на моем столе. Они еще от прабабушки. Вот он воодушевился и представил мне в лицах, как на дне морском раковина дремлет, сияя. Как она живет глубокой жемчужной мыслью. И... и... как она любит, закрывает свою жемчужину, а мы сидели рядом... и... и...

– ...и поцеловались, конечно, – добродушно пробасил Сван.

– Нэд! Думайте про себя! – крикнула Тави. – Что за суфлер там, в углу?!

Воцарилось натянутое молчание.

– Ничего, что я так сказала? – повернулась тави к мужу.

Он взглядом успокоил ее.

– Все ничего, все пройдет, – сказал он и, обратясь к Ионсону, добавил:

– Разумеется, не продаются такие вещи, как не продаются обручальные кольца.

– Здорово! – сказал Ионсон.

– Что же вы теперь будете делать? – спросила Марта.

– Прежде всего – подумать. – Мистрей невольно вздохнул. – Только несколько дней, дорогой Ионсон. Пусть она порадуетя дикой красоте ваших мест.

– При-ро-да! – протянул Ионсон. – Моя болезнь та, что завод плохо работает. Есть, правда...

– Ужин есть, – сказал негр в пиджаке, раскрывая дверь.

– Вы давно ослепли? – спросила Марта у Свана.

– Давно.

IV

Отрывистое настроение хозяев мало улучшилось за столом, хотя Ионсонпил много и жадно. Но Марта стала внимательней. От ее любезностей подчас хотелось крикнуть, однако резкая болтовня стерла отчасти натянутость, делавшуюся уже невыносимой для Тави.

Наконец, слегка качнувшись, так как промахнулся опереться локтем о стол, Ионсон счел нужным посвятить Мистрея в свои дела. Завод гибнет. Его преследуют неудачи, долги растут, близятся роковые взыскания, спрос мал, застой и кризис в торговле. Однако он не унывает. Всю жизнь приходилось ему выпутываться из положений гораздо худших, – туча рассеется.

Мистрей выразил надежду, что она рассеется быстрее всех ожиданий. Как у Тави слепались глаза, он не поддерживал особенно разговора; молчал и Нэд Сван. Незадолго перед тем, как часы ударили полночь, под окном дома мелькнул громовой выстрел, сопровождаемый собачьим лаем и криками.

– Это вернулся Гог, – заметила Марта, – наш сын.

По всему дому пронеслось хлопанье дверей, затем высокий, как его отец, молодой человек с нелюдимым лицом появился перед собранием. Его голова, по-горски, была обвязана красным платком, жесткая борода неестественно, как черная наклейка, обходила полное, загорелое лицо с неприятным ртом и бесцветными, медленно устанавливающими взгляд, сонно мигающими глазами. В его руках был карабин.

– Чужая собака, – сказал он, несколько смутясь при виде чужих, и повернулся уйти. – В голову. Ха-ха!

– Сядь, – сказал Ионсон.

Гог, пробормотав что-то, скрылся, стукнув о дверь дулом ружья.

– Невежа! – закричал вслед отец.

Мать пояснила:

– С него взятки гладки: раз уж набрал в рот воды или не хочет чего-нибудь, – упрашивать бесполезно.

Об этом не говорили больше. Посидев еще несколько времени, гости были отведены в приготовленные для них комнаты. Перед тем, как лечь, оба зашли к Нэду, посмотреть, не нужно ли ему что-нибудь.

– Ну, что вы скажете, – спросил Мистрей, – каковы впечатления ваши?

– Вижу отчетливо всех троих. – Сван слепо прищурился в тот свой мир, где так все было знакомо ему. – Ионсон: черный, большой рот и рыжая черта поперек налитого кровью глаза. Его жена: зубчатый небольшой круг с клювом спрута внутри. Гог... этот неясно... да: тьма, две медные точки и крылья совы.

– Ну, вот еще, – с некоторым неудовольствием отнеслась Тави, – милый Нэд, вы нервны сегодня. Но, правда, что-то беспокоит и мне.

– Кажется, мы приехали неудачно, – заметил Мистрей, но, не желая расстраивать Тави, прибавил: – Все это пустая мнительность... Нэд, спокойной вам ночи!

– Благодарю. Да будут спокойны и ваши ночи, – ответил Сван, – спокойны, пока я слеп.

Муж и жена давно привыкли уже к странной манере, в какой иногда выражал мысли свои Нэд Сван; поэтому, не обращая особенного внимания на его последние слова, попрощались и удалились к себе.

V

Несколько дней прожили они, сходя по утрам в долины или поднимаясь среди цветущих теснин к затейливым углам горного мира, где яркие неожиданности пейзажа напоминают ряд радостных встреч с лучшими из своих желаний, принявших кроткую или захватывающую дыхание видимость. Среди этого мира, неподалеку от дома, рвал дымом нежную красоту гор завод Ионсона, – трубы, обнесенные стенами и складами. Казалось, был перенесен он сюда из города каким-то подземным путем, вынырнув вдруг среди зеленого сияния склонов. Без вопросов смотрела на него Тави, иногда говоря тихое «А!..» – если случившийся тут же Ионсон объяснял что-нибудь. И она спешила на озеро, где с удочками в руках, беспечные обобранные люди вбирали всем существом своим блеск бездонной воды, отражающей их фигуры.

Нэд Сван неизменно сопровождал их. Благодаря его присутствию прогулки гостей были медленны и покойны, так как надо было вести слепца, дав ему держаться за себя или за конец палки, другой конец которой Мистрей брал под мышку. Нэд Сван расспрашивал их, слушал и говорил о своем.

Меж тем впечатления дома, – естественным путем взаимного отчуждения, скрывать которое все же приходилось известным усилием, – стали за их спиной, но редко они оборачивались к острому их лицу. Там крикливыми голосами, счетами и проклятиями, бранью и своеобразной душевной отрыжкой, точно обозначающей все колебания делового дня, текла, собранная в жидкий узел на маковке, своя жизнь. Хозяева и гости встречались редко. Гог приходил иногда к обеду, но чаще давал знать о существовании своем окрестными выстрелами или хохотом где-то позади конюшен, который звучал так долго, ровно и громко, что хотелось закрыть окно. Он почти ничего не говорил, здоровался чуть ли не с отвращением и был вообще – сам.

Прошла неделя, а эти чужие друг другу люди так же мало знали взаимно о себе, как при первой встрече.

Под вечер следующего дня пьяный, но отлично держащийся на ногах, внезапно получивший дар речи Ионсон вошел в комнату гостей с таким видом, что сразу, еще до первого слова, создалось предчувствие некоего делового момента.

VI

– Мне надо поговорить с вами, Мистрей, – медленно сказал Ионсон. Избегая смотреть в глаза, он ворочал засунутыми в карманы брюк кулаками, как будто месил. – И с вашей женой также. Есть дело. То есть я хочу говорить о деле, если вы против ничего не имеете.

– Нет, я слушаю вас. – Мистрей посадил Ионсона и сел против него. Тави сидела в глубине комнаты, укрытая тенью, выказываясь оттуда далекой и тихой. – Предупреждаю, однако, что я не деловой человек. В этом могли вы убедиться из моего опыта покупки чужой земли.

Взгляд Ионсона блеснул двусмысленно.

– Гм... – сказал он, – да, каждый может стать, конечно, добычей изворотливых молодцов... однако... но я скажу прямо, что дело касается только вас и меня.

– А меня? – рассмеялась Тави.

– Вас? Ну, и вас, конечно. Оно касается вас обоих, но более всего – одного меня.

– Так говорите, – сказал Мистрей, намеренно избегая паузы.

Ионсон грустно вздохнул, сдвинув лицо так, что все его черты собрались к глазам, старавшимся пристально отметить что-то в лицах жены и мужа, – нечто, указывающее линию дальнейшего разговора.

– Я разорен, – хрипло заявил он, – разорен в лоск и не больше как через месяц должен буду уйти отсюда. Есть только один выход из положения. Слушайте: мне предлагают крупную партию сырья почти даром. Почему это так, я сам хорошо не знаю; знаю лишь, что человек, с которым веду переговоры, безусловно надежен. В моем распоряжении еще есть двадцать четыре часа. Если я внесу половину суммы, – товар мой, и я через две недели выпускаю его готовыми фабрикатами по цене, значительно более дешевой, чем рыночная. Таким образом, помимо крупной прибыли, я получаю заказы и задатки, чем отсрочиваю и частью оплачиваю векселя. Но сегодня, или – самое позднее – завтра, надо уплатить тому человеку тридцать тысяч.

Он смолк, откинулся, полузакрыв глаза, затем внезапно и нагло бросил упорный взгляд на Мистрея, хлопнув по колену рукой.

– Так, – сказал, подумав, Мистрей, – но, право, я неважный советчик.

– Совет мне не нужен.

– Тогда... что?!

– Деньги.

– Как?!

– Жемчуг, – сказал Ионсон, волнуясь уже заметным образом. – У вашей жены есть жемчуг. Он стоит шестьдесят верных. Пойдите, я кончу. Вы дадите мне жемчуг в обеспечение поставки. Я закладываю его. Он будет цел, ручаюсь своей честью. Ровно через месяц, ни днем раньше, ни позже, я возвращаю вам вещь обратно, плюс двадцать процентов на сто. И мы квит.

Наступило молчание. Тави пересела к Мистрею. Ее рука поднялась было к шее, где снимавшееся лишь на ночь кружило в электрическом свете огненно-молочный блеск свой ее радужное воспоминание, как опустилась вновь с гордостью, выраженной тихой улыбкой. Впрочем, она взглянула на мужа не без лукавства, предчувствуя интересный ответ.

– И вы подумали это? – сказал Мистрей. – Но я скажу так же прямо, как прямо обратились ко мне вы: на это мы не пойдем.

Ионсон проглотил слюну.

– Почему? – глухо и вкрадчиво спросил он.

– Это невозможно.

– Так почему, черт возьми?

Красными пятнами покрылось его лицо. Он встал и сел снова с силой, так, что затрещал стул. Беспомощно и свирепо звучали его слова.

– Послушайте, – начал он, помяв руки, – здесь нет риска. Я отвечаю и могу поклясться...

– Мне жаль вас, – твердо перебил Мистрей, – но пачкать душу свою я не буду. В этой вещи, о которой вы говорите с понятной, на ваш взгляд, легкостью, так как для вас это – просто ценность, – в этой вещи заключен первый наш простой вечер, – мой и жены моей. Эта вещь не продается и не закладывается. Она уже утратила ту ценность, которая дорога вам; ее ценность иная. Я сказал все.

Ионсон встал.

– Отлично, – сказал он, качая головой гневно и медленно, как если бы рассуждал об отсутствующих. – Эти люди... ха... Эти люди приезжают к тебе, Ионсон. Да. Что они просят? Нет, они ни-че-го не просят. Они благородны. Это гости. Они живут, едят, пьют...

– Мистрей! – едва могла сказать Тави.

Мистрей быстро положил руку на плечо Ионсона.

– Выйдите и ложитесь спать, – сказал он так тихо и явственно, что Ионсон отшатнулся. – Мы не останемся здесь более десяти минут. Тави! – но она уже встала, смотря в окно.

Здесь он заметил, что дверь раскрыта. Мягко держась за притолоку, стоял с опущенной головой Нэд Сван. Он кашлянул.

– О! Да, вот что это! – вскричала, увидев его, Тави. – Собирайтесь и вы, Нэд.

– Я готов, – печально сказал слепой.

Ионсон вышел, смотря на гостей с расстояния нескольких шагов, через дверь. Он топнул ногой.

– Ступайте под окно! – закричал он. – Там вам швырнут багаж.

Сван знаком остановил Мистрея.

– Багаж моих друзей, а также и мои пожитки, – сказал он, повернув лицо к Ионсону, – останутся пока здесь. Они будут выкуплены через несколько дней суммой, вознаграждающей Ионсона. Он нес расходы. Мы пили и ели у него.

– Благодарю, Сван, – сказала Тави. – Так надо.

Они вышли немедленно. Никто не провожал их ни бранью, ни дальнейшими разговорами об этой оскорбительной стычке. У подъезда стоял Гог. Он видел, как три человека, не оглядываясь, медленным шагом отошли прочь и скрылись в лесу.

VII

Тропа, которой они шли, вилась отлогим зигзагом; у самых ног их падали от уступа к уступу молчаливые, ярко озаренные склоны. Казалось, здесь был предел разнообразию: едва утомленный сверкающей пустотой долин глаз переходил к ближайшим явлениям, как висящие над головой скалы или поворот, оттененный светлой чертой неба, по-иному колебали волнение, вызванное и ровно поддерживаемое оглушительной тишиной стремнин.

Устав, путники сели, свесив ноги над бездной. Вначале показалось Мистрею, что Тави говорит что-то, – такой сосредоточенной трубочкой вытянулись ее губы, шепча или мурлыкая про себя. Но она просто летала, держась руками за землю, по противоположному склону, отделенному от нее не более как перелетом ядра. Она летала, мысленно опускаясь там, где было более живописно. Ее глаза ярко блестели.

– О, Мистрей! – могла она только сказать, прижав руку к сердцу. – Нэд, простите меня за то, что у меня есть зрачки.

Сван помолчал. Странная улыбка прошла по его лицу.

– Я вижу, – сказал он. – Но я вижу иначе: тем настроением, какое сообщается мне от вас.

Оглянувшись, Мистрей заметил в скале подобие ниши, что и было приветствуемо как приют. Сухие кусты росли густо вокруг. Это годилось для костра. Неподалеку, на мшистом отвесном скате висел, перескакивая вниз, прозрачный ручей. Тави залезла на ореховое дерево, порвав юбку. Сван выгрузил из кармана большой кусок хлеба.

– Я взял с собой, – сказал он, – это припишем к счету.

Они долго сидели у огня, разговаривая и восхищаясь романтичностью положения. Затем Тави положила голову на колени мужа и уснула, а он прислонился к стене.

Сван лег у выхода ниши.

VIII

В самом зените ночи, вставшей высоко вверху и молча смотревшей вниз на отражение свое по пропастям и обвалам, из ущелья на дорогу вышел медведь. Став к ветру, неодобрительно слушал он глубиной ноздрей, сосавших пахнувший камнем и листвой воздух, мельчайший крап оттенков его: не тронет ли тоскливым ознобом внутри дыхания, не ясным ли станет памятный от прежних встреч шагающий образ с направленной к медвежьим глазам черной чертой, откуда надо ждать треска и боли.

Но колеблющийся баланс воздушных течений сдвинул легкую ткань опасного запаха, расслоил и переместил ее. Тогда, шумно вздохнув, медведь фыркнул в пыль уснувшей тропы. Коза, еж и лисица явились умственному взору его, так как вчера были на этом месте – но слабо; явление отмечало значительный промежуток времени. Тогда той частью души, которая у зверей похожа на состояние сонного человеческого сознания, когда, дремля, натуживается оно никогда не приходящим воспоминанием, медведь двинулся по тропе вниз, раскачивая головой и осторожно следя, не пересечется ли путь подозрительным воздушным узором.

Вдруг он остановился и сел, подняв голову, как собака. Ветер, случайно завернув вспять, хлопнул его по ноздрям одеждой и телом нескольких людей, находившихся где-то совсем близко. Он ощутил слабый позыв желудочного беспокойства, и лапы его отяжелели. Однако он не убежал и не вскарабкался выше, а с недоумением разминал запах, вслушиваясь в него с медленно проходящим испугом. Запах был лишен яда, то есть мог принадлежать только другой породе, может быть, в чем-то равной образу, шагающему с гремящей чертой в лапах.

Зверь подвинулся, фыркая тихо и вопросительно. Он видел, как мы днем. Совсем войдя в группу, он приблизил носовое внимание свое к лицу Тави и успокоился. Затем, мягко перешагнув ноги Мистрея, провел, почти касаясь мордой, по контуру тела Свана.

Все утихло, все заленилось в нем, но пахло еще чем-то, давно забытым. Это была хлебная корка. Он тихо слизнул ее, поиграв челюстями, и лег, вытянув голову к ногам спящей женщины, – как ковер из его меха, лежащий, быть может, теперь под человечески-звериной ногой.

Он спал. Когда снова его начал мучительно волновать тот запах, за две мили от которого поспешил он обеспечить себе спокойную ночную прогулку, горное чудовище выползло на тенистый свет звезд, и, дыбом, тронулось к Гогу, поспешно направившему гремящую черту в косматое сердце. Но медведь только махнул лапой. Пощечина обнажила скулы и, мгновенно помертвев, согнутый в коленях страшным ударом, человек, видевший всю ночь только жемчуг, отправился на край бездны.

Сказалось ли темное прошлое семьи в том, что у человека, который плеснулся с полу-мильной высоты о широкий камень, подобно воде, красное пятно, покрывшее известняк, расплылось в форме ножа, – мы не знаем. Осталось лишь прошлое. Будущее растеклось по скале и высохло в отвесных лучах.

Утром Мистрей сказал Свану, что на золе следы лап, прося не говорить жене о своем открытии.

Сван обратил с тихой улыбкой серебряный взгляд к обрыву, где – лишь он один знал – упал сын Ионсона. Но это знание было равно сну, не выразимому словом.

Все трое благополучно спустились к горному поселению, где смогли нанять мулов.

Через неделю они получили свой багаж – без письма.